

И. П. Сергеев

О межэтнических противоречиях в Римской империи в период кризиса III века

родолжавшийся в течение нескольких десятилетий кризис III в. не только был вызван к жизни противоречиями в римском государстве, но и сам, несомненно, способствовал обострению существовавших и до него противоречий и возникновению новых конфликтов.

Римская империя была величайшей средиземноморской державой, в пределах которой обитало множество стоявших на разных уровнях развития этнических образований. Естественно, возникает вопрос о том, как повлияли события кризиса III в. на характер межэтнических отношений в римском государстве и какую роль в истории этого кризиса сыграли межэтнические противоречия.

Нельзя сказать, что вопрос о межэтнических отношениях в Римской империи в III в. н. э. не привлекал внимания антиковедов. Однако следует отметить, что в тех исследованиях, в которых он затрагивался, этот аспект социальной жизни империи исследуется или излишне поверхностно, или же не вполне объективно. Данными обстоятельствами объясняется выбор объекта изучения этой статьи.

Ф. Альтхайм при рассмотрении кризиса III в. руководствовался учением Л. Ранке о примате внешней политики, о том, что все народы и расы на Земле делятся на молодые и старые. Среди прочих народов, населявших римское государство, в III в. н. э. особенно активное участие в политической жизни империи, по мнению историка, принимали сирийцы и иллирийцы. Именно борьба между этими народами за господство в империи, утверждал Ф. Альтхайм, определяла политическую жизнь Римской империи в III в. н. э. Но поскольку сирийцы были изнежены жизнью в городах, они не могли быть достойными соперниками иллирийцев и уступили им господство в империи [1, с. 13, 14, 144].

Эта концепция содержания кризиса III в. не была воспринята антиковедами. Однако тезис Ф. Альтхайма о противоборстве между иллирийцами и сирийцами за господство в Римской империи в период кризиса III в. не был подвергнут сколько-нибудь глубокому анализу.

По нашему мнению, говорить о борьбе между иллирийцами и сирийцами за верховенство в римском государстве в данный период нет никаких оснований.

Хотя в составе римского сената к этому времени возрос удельный вес выходцев из римского Востока, а размещавшиеся в иллирийских провинциях и набиравшиеся в основном из местных уроженцев войска были важнейшей опорой императоров середины III в., это не означает, что между иллирийцами и сирийцами шла борьба за господство в Римской империи.

На наш взгляд, содержанием политического кризиса III в. была не борьба за власть в империи между сенатом и опиравшимся на армию императором, а то, что армия стремилась самостоятельно решать вопрос о передаче императорской власти. При этом иллирийцы претендовали на особую роль в политической жизни империи как представители римской армии, а не выразители интересов исконного населения Иллирика.

В этом плане уместно привести соображения А. Альфельди, который затажной характер кризиса III в. связывал с тем, что в сложных условиях того времени в римском государстве не нашлось такого слоя населения, который вынес бы на себе всю тяжесть борьбы с трудностями. Только после того, как в борьбу за стабилизацию ситуации в государстве включились иллирийцы (историк называет их «сыновьями дунайской земли» — «die Söhne des Donaulandes»), империи удалось вывести из состояния кризиса [2, с. 228]. По определению А. Альфельди, большим счастьем для империи являлось то, что к этому времени уроженцы дунайских областей были уже полностью романизованы и повсеместно в империи боролись за величие Рима [2, с. 384].

Нет также оснований и для утверждения о том, что входившие в состав сената уроженцы Сирии боролись за особое положение или даже господство сирийцев в Римской империи.

В определенной степени возрастанию значения «этнического аспекта» в политической жизни Римской империи в период кризиса III в. способствовали те события ее социально-политического развития, которые некоторыми исследователями трактуется как показатель стремления отдельных провинций империи к сепаратизму или обострения классовой борьбы.

По мнению ряда историков, выступлению Ингенуя и Регалиана на дунайской границе империи в конце 250-х гг. способствовало недовольство не только войск, но и жителей придунайских провинций неэффективными и неэнергичными действиями императора Галлиена, его недостаточным вниманием к нуждам Иллирика [см.: 3, с. 88; 4, с. 238].

О том, что названные придунайские узурпаторы императорской власти получили поддержку местного населения, свидетельствует указание автора жизнеописания «тридцати тиранов» на то, что после подавления выступления Ингенуя Галлиен «...стал ужаснейшим образом свирепствовать против всех мезийцев — как воинов, так и граждан» [5, Тург. trig. IX], а также, что следующий придунайский узурпатор, Регалиан, «...стал императором по почину мезийцев, которые до того были побеждены вместе с Ингенуем, и против чьих родичей тяжко свирепствовал Галлиен» [5, Тург. trig. X].

По свидетельствам источников, гражданское население было причастно и к выступлению против Галлиена в Галлии.

В то время как Галлиен увел с собой часть войск для борьбы с придунайским узурпатором, натиск германских племен на рейнской границе усилился. Особенно крупное и удачное вторжение в римские владения франки и алеманны осуществили в 258/9 г. н. э. [6, с. 44]. Согласно данным авторов жизнеописаний Галлиена и Постума [5, Gall. duo. IV; Тург. trig. III], успехи варваров привели к тому, что галлы, возмущенные неспособностью императора Галлиена обеспечить их безопасность, объявили императором Постума, а солдаты римских войск, размещенных в западных провинциях империи, поддержали их решение.

Таким образом, мы можем говорить о возрастании политической активности местного населения западных провинций Римской империи в правление Галлиена. Однако это не означает, что ее следует расценивать как проявление обострения межэтнических конфликтов в государстве римлян. Провинциалы выступали не против римлян, а против правителя империи, который не уделял должного внимания проблемам римского Запада. Упомянутые выше узурпаторы, на наш взгляд, не преследовали цель освобождения галлов или иллирийцев от римского господства.

Еще большее значение «этнический момент» имел для возникновения Пальмирской державы.

Превращение Пальмиры в важнейший фактор политического развития всего римского Востока произошло на рубеже 250–260-х годов н. э. в условиях резкого ухудшения обстановки на восточных границах Римской империи.

Пришедшее еще в первой половине III в. н. э. на смену Парфии Ново-Персидское царство оказалось для римлян беспокойным соседом. Правители молодого государства

считали себя наследниками Ахеменидов и претендовали на господство над азиатскими владениями Рима [7, XVII, 5, 3]. В начале 250-х годов н. э. персы во главе с царем Шапуром нанесли римским войскам серьезные поражения и заняли значительную часть римских территорий. Прибытие на восточный фронт императора Валериана не оказало кардинального влияния на ход событий. Римляне продолжали терпеть поражения, персы в конце концов захватили в плен самого императора.

Успехи персов в войне с римлянами отрицательно сказались на римской торговле с восточными соседями, а следовательно, и на экономике Пальмиры. Влиятельные люди города должны были определиться, на чьей стороне — персов или римлян — они будут стоять. Пальмирцы колебались в принятии решения и попытались вступить в переговоры с персидским царем. По сообщению Петра Патриция [8, 2], к Шапуру из Пальмиры отправилось посольство, чтобы, вероятно, договориться о заключении определенного соглашения. Но царь приказал выбросить дары пальмирцев в реку и заявил, что требует от жителей города безусловного подчинения. После этого пальмирцы решили сохранить верность Риму.

В результате дальнейшего развития событий фактический правитель Пальмиры Оденат оказался во главе всего римского Востока. Возглавляя ополчение Пальмиры, он нанес персидскому царю ряд крупных поражений. За успехи в войне с персами Галлиен назначил его главнокомандующим римских войск в восточной части империи (*dux totius Orientis*) [9, XII, 24; 10, с. 716].

В 267 г. н. э. «скифы» начали грабить прибрежные области римских владений в Малой Азии. Оденат прекратил военные действия против персов и отправился в Малую Азию [3, с. 102]. Во время этого похода Оденат и его сын Герод были убиты [5, *Gall. duo.* XIII; 10, с. 716]. Их убийца, племянник или двоюродный брат Одената Меоний, (*Meonius*) объявил себя правителем Пальмиры, но вскоре его убили собственные воины [5, *Tyr. trig.* XV; XVII; 9, XII, 24; 11, I, 39].

После этого официально правителем Пальмиры стал малолетний сын Одената Вабаллат (*L. Iulius Aurelius Septimius Vaballathus Athenodorus*) [12, 8924; 13, 1904. 60], а регентшей при нем и фактической правительницей — вдова Одената Зенобия (*Septimia Zenobia*) [5, *v. Aurel.* XXXVIII; 11, I, 39; 10, с. 717].

Зенобия не хотела, чтобы полномочия Вабаллата на Востоке были меньше тех, которыми обладал ее муж. Однако это не означало, что она решила вступить в союз с персами и открыто порвать отношения с Римом, образовав отдельную от Римской империи державу с центром в Пальмире, как это считали некоторые историки [см.: 14, с. 40; 15, с. 298]. Официально находившиеся под фактическим управлением пальмирцев восточные провинции оставались в составе Римской империи. Выпущавшиеся в Антиохии монеты чеканились от имени римских императоров [16, с. 247].

Дальнейшие фактические изменения в отношениях между Римом и Пальмирой произошли сразу после смерти Клавдия II в 270 г. н. э. Зенобия и Вабаллат предприняли шаги к расширению зоны своего господства на римском Востоке. Они оккупировали Египет. В это же время пальмирцы провели наступление и на севере. В Малой Азии они заняли Каппадокию и Галатию, включая город Анкиру. Зенобия пыталась оккупировать и Вифинию, но местный гарнизон римских войск отбил натиск пальмирцев [11, I, 50, 1].

Когда к власти в Риме пришел Аврелиан, Зенобия и Вабаллат не покинули занятые территории в Египте и в Малой Азии. Но официально они признали над собой власть римского правителя.

На монетах, чеканившихся в Александрии и Антиохии в конце 270—начале 271 гг. н. э. [17, с. 265], с указанием первого года правления Аврелиана и четвертого — Вабаллата, портрет Вабаллата с диадемой и лавровым венком как бы противопоставлялся изображению Аврелиана только в лавровом венке. К. Штробель видел в этой разнице портретов двух правителей проявление претензии пальмирской стороны на принципиальное равенство с Римом и политическое превосходство над ним на Востоке [17, с. 265].

С 271 г. н. э. на выпускавшихся в монетных дворах Востока империи монетах исчезает портрет Аврелиана, Вабаллат в легендах этих монет имеет титулы IMP(erator) C(aesar) AUG(ustus) [18, с. 130; 20, с. 585]. Зенобия же, как это видно из надписей [21, II, 3947; 3971], стала носить титул Августы. В латинской надписи на милевом столбе, найденной между Филадельфией и Босрой, Вабаллат назван с титулами Persicus maximus, Arabicus maximus, Adiabenicus maximus, pius, felix, invictus Augustus («величайший персидский, величайший арабский, величайший адиабенский, благочестивый, счастливый, непобедимый Август») [13, 1904. 60], т. е. с теми, какие традиционно имели римские императоры.

Все эти факты говорят о том, что в 271 г. н. э. произошел полный разрыв отношений между правителями Пальмиры и римским императором. Но это было не просто нежелание Вабаллата и Зенобии признавать над собой власть Аврелиана. Скорее здесь можно говорить о стремлении правителей Пальмиры не отделиться от Рима, а установить свое господство над всей Римской империей.

Таким образом, хотя образование Пальмирской державы в большой степени было связано с политической и военной активностью местного населения Сирии, этот факт также неправомерно истолковывать как обострение противоречий между сирийцами и римлянами. Оденат, Зенобия и Вабаллат не пытались разыграть «этническую карту», чтобы образовать отдельное от Римской империи государство.

Если при характеристике названных выше попыток узурпации императорской власти межэтнические противоречия приводятся некоторыми исследователями в качестве одного из факторов, говорящих в пользу усиления сепаратизма римских провинций, то при рассмотрении вопроса о размахе выступлений низов населения Римской империи в период кризиса III в. эти противоречия в литературе, на наш взгляд, недооцениваются.

К народным движениям в восточной части империи Е. М. Штаерман относила восстание в Малой Азии живших в горах Тавра воинственных исавров [22, с. 154].

Действительно, в жизнеописании императора Проба сообщается, что по пути из Фракии на Восток ему удалось взять в плен и казнить «могущественного разбойника Пальфурения», усмирить все части Памфилии и прочих провинций, соседящих с Исаврией [5, v. Prob. XVI–XVII].

Однако из текста источника видно, что данное выступление не относилось к числу вызванных обострением социальных противоречий в римском обществе, а является показателем того, что некоторые «варварские» племена, обитавшие в труднодоступных горных районах Малой Азии, над которыми римлянам так и не удалось установить твердый контроль, пытались использовать политическую нестабильность в империи для освобождения от римского господства. То есть, это было не социальное, а «национально-освободительное» движение.

Больше других советских антиковедов уделила внимания Е. М. Штаерман также изучению восстаний земледельческого населения римской Африки против гнета крупных землевладельцев в III в. н. э. Историю этих восстаний она пыталась осветить на основании анализа эпиграфического материала. По ее мнению, содержащаяся в ряде обнаруженных на территории африканских провинций Римской империи надписей информация позволяет говорить о том, что широкие выступления низов населения были связаны с быстрым ростом в этой части империи крупного землевладения, сопровождавшимся усилением эксплуатации непосредственных производителей разных категорий [23, с. 402]. Характерной чертой этих выступлений, по мнению Е. М. Штаерман, было то, что движения сельского населения африканских провинций (колонов, поселенных на римских землях местных племен) соединялись с вторжениями свободных варварских племен извне [24, с. 71]. Исходя из данных эпиграфических источников, начало таких движений в Африке Е. М. Штаерман относила к годам правления Гордиана III. Постепенно усиливаясь, писала далее она, спустя 15–20 лет эти движения вылились в большое восстание, длившееся почти столетия [23, с. 402]. Как подтверждение того, что социальная напря-

женность в африканских провинциях сохранялась вплоть до правления Проба, трактовала Е. М. Штаерман сообщение автора жизнеописания этого императора [5, v. Prob., IX, 1] о том, что он освободил от мятежников Карфаген [23, с. 472].

Оценивая реконструкцию Е. М. Штаерман обстановки в африканских провинциях империи в III в., можно согласиться с мнением Г. Г. Дилигенского [25, с. 11], что она удачно показала резкое усиление натиска на романизированные и урбанизированные районы этих провинций туземных берберских племен — баваров, бакватиев, квинквентанеев. Следует также признать верным предположение исследовательницы о том, что вторгавшиеся в римские владения варвары могли получать поддержку со стороны посаженных на римские земли племен.

Однако с уверенностью говорить о том, что в привлекаемых Е. М. Штаерман надписях содержится информация о выступлениях против крупных земельных собственников колонов и крестьян, на наш взгляд, достаточных оснований нет. Да и сама Е. М. Штаерман говорит об этих выступлениях и поддержке колонами и крестьянами варварских вторжений в римские владения в Африке обычно предположительно. Видимо, и в данном случае мы на основании использованного Е. М. Штаерман эпиграфического материала можем говорить о попытках не только соседних с империей африканских племен, но и тех представителей этих племен, которые были поселены в африканских провинциях, использовать политическую нестабильность в империи для грабежа римских владений.

Таким образом, отмеченные выше факты говорят о некотором обострении межэтнических конфликтов в римском государстве в III в. н. э. Но они не оказывали большого влияния на возникновение и развитие кризиса III в. Однако нельзя их и вообще упускать из виду, поскольку их адекватная оценка важна для понимания некоторых аспектов социально-политического развития Римской империи в период кризиса III в., в частности, вопросов о сепаратизме провинций и масштабах выступлений низов населения империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Altbeim F.* Die Soldatenkaiser. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1939. — 304 S.
2. *Alföldi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. — 460 S.
3. *Дьяков В. Н.* Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // ВДИ. — 1961. — № 1. — С. 84–107.
4. *Колосовская Ю. К.* Паннония в I–III веках. — М.: Наука, 1973. — 253 с.
5. *Авторы жизнеописаний Августов:* Пер. с лат. С. П. Кондратьева/Под ред. А. И. Доватура// ВДИ. — 1958. — № 3; 1958. — № 4; 1959. — № 1–4; 1960. — № 1.
6. *Hartmann F.* Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III. Jh. n. Chr.). — Frankfurt a. M.; Bern: H. Lang, 1982. — 246 S.
7. *Аммиан Марцелин.* Римская история: Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. — СПб.: Алетейя, 1996. — 559 с.
8. *Petri Patricii et magistri excerpta de legationibus gentium ad Romanos//Corpus scriptorum historiae Byzantinae.* Pars 1. — Bonnae, 1829. — P. 124–129.
9. *Zonara I.* Ioannis Zonarae Annales/Ex recensione Mauricii Pinderi. T. I. — Bonnae, 1841. — 581 p.; T. II. — Bonnae, 1844. — 647 p.
10. *Georgius Syncellus.* Opera/Ex recensione G. Dindorfii. — Bonnae, 1829. — Vol. 1. — 788 p.; Vol. 2. — 595 p.
11. *Zosime* Histoire nouvelle. Tome 1 (Livres 1 et 2)/Texte etablit et traduit par F. Paschoud. — Paris, 1971. — 264 p.

12. *Inscriptiones latinae selectae*/Ed. H. Dessau. — Berolini, apud Weidmannos.: Vol. I. — 1892. — 580 p.; Vol. II. Pars 1. — 1902. — 736 p.; Vol. II. Pars 2. — 1906. — P. 737-1040; Vol. III. — 1914. — 600 p.
13. *L'annee epigraphique*. Revue des publications epigraphiques relatives a l'antiquite romaine. — Paris: Presses universitaires de France, 1890—1989.
14. *Held W.* Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. — Berlin, 1974. — 247 S.
15. *Mazza M.* Lotte sociali e restaurazione autoritaria nel 3 secolo d. C. — Roma; Bari: Laterza, 1973. — VIII, 714 p.
16. *Homo L.* L'Empereur Gallien et la Crise de l'Empire Romaine au IIIe Siecle//Revue Historique. — CXIII (May—August 1913). — P. 1 — 22, 225—267.
17. *Strobel K.* Das Imperium Romanum im «3. Jahrhundert». Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr. — Stuttgart, 1993. — 408 S.
18. *Carson R. A. G.* Principal coins of the romans. Vol. 2. The Principate. 31 B.C.—A.D. 296. — London; Wisbech, 1980. — 167 p.
20. *The Roman imperial coinage*/Edited by H. Mattingly and E. Sydenham. Vol. IV. P. 2. — London, 1932. — 215 p.; Vol. IV. P. 3. — London, 1949. — 246 p.; Vol. V. P. 1. — London, 1927. — 424 p.; Vol. V. P. 2. — London, 1933. — 701 p.
21. *Corpus inscriptionum semiticarum*. Vol. II. — Berolini, 1888. — 756 p.
22. *Штаерман Е. М.* Кризис III в. в Римской империи//ВИ. — 1977. — № 5. — С. 142—156.
23. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 512 с.
24. *Штаерман Е. М.* Африканские восстания III века//ВДИ. — 1948. — № 2. — С. 65—74.
25. *Дулигенский Г. Г.* Северная Африка в IV—V вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 303 с.

Summary

I. Sergeev. On Interethnic Contradictions in the Roman Empire During the Crisis of the III Century

The article is devoted to the struggle between Illyrians and Syrians for the political power in the Roman Empire. The author analyses the importance of interethnic contradictions in the development of the provincial separatism in the Roman Empire during the crisis of the III century.

The conclusion that sharpening of interethnic contradictions in the Roman Empire during the crisis of the III century was not very important is made in the article. But it is necessary to explain these contradictions with clarification of the questions of the separatism of provinces and of the scale of departure of the Empire's underclasses.

